

паміж маніпуламі ён паставіў капейшчыкаў, якія пры нападзенні сланоў павінны былі схавацца за радамі воінаў альбо разбежыцца направа ці налева, ачысціўшы сланам дарогу, дзе яны пападуць пад дроцікі з двух бакоў. Так Ганібал разлічваў узмацніць страх, паставіўшы ўперадзе сланоў, якіх было 80. Раней ён ніколі не выводзіў такую колькасць сланоў у бой (Лів., XXX, 33, 4). За сланамі былі дапаможныя атрады лігураў, галаў і іншых воінаў.

Неспадзявана з боку рымлян раздаліся гукі труб і ражжоў, падняўся незвычайны крык, ад якога сланы павярнулі на сваіх – на маураў і нумідаў, якія не вытрымалі. Саюзнік рымлян Масініса дабавіў ім страху, пазбавіўшы варожы фланг падтрымкі кавалерыяй. “Некалькі сланоў удалося пагнаць на ворага. Ідучы скрозь капейшчыкаў, параненыя, яны разбуралі усё навокал. Капейшчыкі адскоквалі к маніпулам, каб не быць растаптанымі, далі дарогу сланам і з абодвух бакоў перадавой кідалі у іх свае дзіды і дроцікі. Сланы павярнулі на сваіх, і тыя вымушаны былі уцякаць разам з коннікамі, якія стаялі на правым флангу (Лів., XXX, 33, 14–16). Рымляне пераўзыходзілі ворага колькасцю і упэўненасцю у сабе, адзначае Лівій (XXX, 34, 13). Яны прымусілі уцякаць карфагенскую конніцу і сланоў, пацягнулі перадавую і змагаліся на другой лініі. У апошнім пабоішчы пры Заме пераможцы-рымляне захапілі 132 штандары, 11 сланоў; загінулі 20 тыс. карфагенскіх воінаў. Рымляне страцілі каля паўтары тысячы воінаў (Лів., XXX, 35, 3).

Яшчэ ў старажытнасці знаўцы ваеннага мастацтва высока ацанілі заслугі карфагенскага палкаводца Ганібала за яго выключнае майстэрства арганізацыі наступлення і абароны. І усё ж такі не ваеннае майстэрства Ганібала і не яго незвычайная зброя (сланы) у вайне вызначалі пераможцу. Перамога Рым і яго сацыяльна-эканамічная і палітычная сістэма, якую ўзначальваў палкаводзец Сцыпіён, атрымаўшы за перамогу ганаровы тытул “Афрыканскі”. Сцыпіён Афрыканскі ад імя Рыма і прадыхтаваў Карфагену першапачатковыя умовы міру, пры заключэнні якога ў пратаколах (Лів., XXX, 37, 3; 43, 11) была запісана адна з галоўных умоў: карфагеняне “аддадуць прыручаных сланоў і прыручаць больш іх не будуць”. Большую колькасць гэтых сланоў паслалі ў Рым, дзе яны былі выкарыстаны ў грамадскіх відовішчах і ў вайне з Македоніяй (Лів., XXX, 36, 4). Частку сланоў рымляне аддалі свайму саюзніку ў Афрыцы Масінісу.

Незвычайную і магутную зброю старажытнай гісторыі – сланоў, якіх вучоныя называюць “антычнымі танкамі”, – рымляне упершыню убачылі ў войнах з Карфагенам.

¹ Ливий Т. История Рима от основания Города: В 3-х т. М., 1991. Т. 2. (Тут і далей у дужках спасылкі на указ. творы. Пер. аўтара. – К.Р.)

² Плиний Старший. Естественное. Об искусстве / Пер. с лат. Г.А. Тароняна. М., 1994

³ Полибий. Всеобщая история в сорока книгах: В 3-х т. / Пер. с греч. Ф.Г. Мищенко. М., 1995. Т. 1.

⁴ Orosius P. // Historiarum adversus Paganos Libri. Lipsiae, 1889.

⁵ Моммзен Т. История Рима. М., 1936. Т. 1. С. 542.

⁶ Аппиан. Римские войны / Пер. под ред. С.А. Жебелева. СПб., 1994.

⁷ Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах / Пер. с лат. и коммент. Н.Н. Трухиной. М., 1992.

⁸ Евтропий. Краткая история от основания Города. М., 1997.

А.А. ЛЕВШЕВИЧ

РУМЫНО-ФРАНЦУЗСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ (1829–1845 гг.)

Важной составной частью румыно-французских отношений периода 1829–1845 гг. являются культурные связи между народами Дунайских княжеств и Францией. Без их рассмотрения история взаимоотношений между государствами и народами не может быть выяснена всесторонне. Их развитие не могло не оказывать влияния на формирование общественного мнени-

ния, а значит, в какой-то мере и на политику правительств. Развитию связей между Дунайскими княжествами и Францией содействовали языковая и этническая общности населения.

Введение в научный оборот ранее неизвестных материалов из архивов позволяет по-новому раскрыть содержание и характер румыно-французских связей. Следует отметить, что ряд историков затрагивали некоторые аспекты румыно-французских культурных связей на отдельных этапах развития. Но их изучение с 1829 по 1845 г. предпринимается впервые. Характерной чертой культурного развития Дунайских княжеств в рассматриваемый период было увеличение элементов светской культуры, утверждение которых проходило медленно. Сохранение феодальных отношений обеспечивало церкви незыблемость ее авторитета. Идеи французского Просвещения пробуждали интерес к научным знаниям среди прогрессивных представителей общественности. В 20–40-е годы XIX в. в Дунайских княжествах появились переводы французских учебников и научных трудов. Например, Элиад в 1832 г. перевел арифметику Франкэра, а Г. Плейшоану – грамматику Фурнье¹. Такие издания были необходимы в связи с расширением системы образования. Их появление диктовалось потребностями производства в условиях развития капиталистического уклада в рассматриваемый период.

В Валахии и Молдове существовало очень уважительное отношение к французской культуре среди просвещенных слоев населения. В обоих княжествах имелись пансионы, где дети из состоятельных семейств могли получить образование на французском языке. Наиболее убежденные франкофилы ходатайствовали перед правительствами Дунайских княжеств о переводе всего обучения в высших школах Бухареста и Ясс на французский язык. Но образование на французском языке получали не только в действующих пансионах. Часто боярских детей отправляли учиться за границу, в том числе и во Францию. Уже в 1828 г. в Париже обучалось более 20 студентов из Валахии, происходивших из знатных семейств Бибеску, Влэдойану, Ленш, Филипеску².

Кроме них, за счет государства на обучение во Францию направлялись наиболее проявившие себя в учебе выпускники первых национальных школ. Так, например, после смерти способного математика И. Пандели во Францию направляется П. Познару³. В 1931 г. из 20 семей, практикующих в Валахии, 7 врачей имели парижские медицинские дипломы⁴.

В Париже образуется довольно значительная колония румынских студентов, которым в дальнейшем была уготована большая роль в общественной и политической жизни родины. Многие воспитанники французских учебных заведений, восприняв идеи Великой французской революции, являлись проводниками либеральных и радикальных взглядов. Воздействие французской культуры на мировоззрение и вкусы поколений являлось важным моментом в формировании общественного мнения. «Сестра наша великая стояла у истоков всех наших больших свершений политики», «Париж зажег огонь румынской национальности в своих школах, объединил и оказал поддержку. Влияние французское у нас в крови» – так думали многие представители интеллигенции в Молдове и Валахии.

Благодаря содействию французского правительства в рассматриваемый период в Дунайских княжествах были открыты семь французских школ, в которых неимущая молодежь получала средства на образование из кассы французского консула. В 1829 г. и в Молдове, и в Валахии появились газеты «Курьерул Ромынеск» («Румынский курьер») и «Албина Ромыняскэ» («Румынская пчела»). Издавали их известные просветители И. Элиаде-Рэдулеску и Г. Асаки. Газеты приобрели важную роль в процессе социальных и политических преобразований. Они выходили на двух языках – румынском и французском. На их страницах часто можно было встретить статьи и замет-

ки, посвященные различным событиям общественно-политической жизни Франции.

Французские дипломаты оказывали газетам в случае необходимости не только моральную, но и материальную поддержку. Появление первых румынских газет не могло не вызвать восторга в среде тех, кто за это давно боролся и тех, кто об этом давно мечтал. Валашские студенты, обучавшиеся в Париже, даже направили в Бухарест специальное письмо, в котором писали: «... Небесполезным будет вам описать всю радость, испытанную нами при выходе первой газеты, напечатанной у нас на родине ... И как бы то ни было, каждый настоящий румын должен вам быть признателен за ваше доброе начало»⁶.

Важное значение для развития культурных связей имели переводы на румынский язык лучших французских литературных произведений. Работа переводчиков была сложна и «равноценна работе писателя, ибо для переводчика она состояла в борьбе со словом и зачастую, как остроумно замечает Л. Влага, со словом отсутствующим»⁷. Читатель в Дунайских княжествах мог познакомиться не только на французском, но и на родном языке с произведениями Вольтера, Мольера, Монтескье, Ламартина. Хорошими переводами любителей французской словесности радовали известные писатели В. Александри, К. Негруци и некоторые другие.

Под влиянием французских энциклопедистов, особенно Д. Дидро и его знаменитой «Энциклопедии наук, искусств и ремесел», просветитель Г. Асаки в Молдове в 1839 г. заложил основу литературного сообщества с целью создания многотомного «Лексикона», который мыслился им «как первая книга единой румынской нации», содержащая множество сведений справочного характера, однако это начинание, к которому Асаки предполагал привлечь «собратьев из всех трех румынских княжеств», не получило официальной поддержки, поэтому свет увидел только первый том, который и явился первым румынским трудом энциклопедического характера⁸.

Асаки довольно высоко ценил из всех литературных жанров классическую басню с ее общечеловеческим содержанием, общефольклорной формой, лучше всего поддающуюся адаптации в национальной среде, поэтому молдавский просветитель избрал образцом для подражания творчество французского писателя Лафонтена. В 1846 г. на основе сочинений выдающихся французских мыслителей, таких как Монтескье, Вольтер, Дидро, Декарт, Паскаль, была составлена книга К. Негруци «Элементы политического права», хотя автор указывал и на то, что в книге имеются и «собственные теории» применительно к Дунайским княжествам⁹.

К. Негруци являлся горячим поборником введения конституции по типу действовавшей во Франции во времена Великой французской революции. Книга быстро завоевала популярность у читателей Валахии и Молдовы. Благодаря освоению передовой французской литературы такими писателями, как М. Когэлничану, В. Александри, А. Руссо, в их художественных произведениях происходит процесс усиления реалистических тенденций и демократизма.

В 40-е годы XIX в. появились журналы «Архива ромыняскэ» и «Магазин историк пентру Дачия». На их страницах не раз выступали М. Когэлничану, В. Александри, А. Руссо, К. Негруци, И. Элиаде-Рэдулеску, Д. Скавински против перегибов, особенно в Валахии, где латинизаторы пытались изгнать из родного языка давно и прочно вошедшие в его строй славянизмы, начали «борьбу» с кириллицей под тем предлогом, что латинский язык следует излагать на латинском же алфавите. У трезвомыслящих писателей и общественных деятелей усилия по «очищению» языка и его офранцуживанию вызывали глубокую тревогу. Ибо нередко «очистители» сами не очень-то хорошо владели французским языком, чтобы могли давать какие-либо рекомендации¹⁰.

Наряду с литературой развивается и театральное искусство. В январе 1834 г. Валашское литературное общество на свои средства организует школу вокальной музыки, декламации и литературы, в которой бесплатно преподаются музыка, румынский язык и танцы. В августе того же года ученики школы впервые дают спектакли перед публикой. Показателен тот факт, что первой была поставлена французская пьеса Вольтера «Магомет, или Фанатизм». Успех первого спектакля превзошел все ожидания¹¹.

В 1833 г. итальянец Момоло строит в Бухаресте деревянный театр, в котором с 1835 г. стали играть ученики школы вокальной музыки¹². Большое место в репертуаре занимали французские пьесы. Театры Молдовы добились еще больших успехов и в этом в первую очередь заслуга Г. Асаки. В Молдове, так же как и в Валахии, создается «Общество филармонической консерватории» (1836 г.), которое в феврале 1837 г. подготавливает первый спектакль. Впоследствии спектакли стали регулярными, и жители Молдовы могли ознакомиться как с французскими, так и с местными пьесами.

Национальным театрам пришлось выдерживать борьбу с модными французскими труппами, с одной стороны, и жесткой цензурой, кромсавшей пьесы – с другой. Особой популярностью на сцене Ясского театра пользовались произведения Мольера. В Ясском театре играли французская и румынская труппы. Среди актеров открылись подлинные таланты – Пани, Теодорини, Лукиан, Габриэла. Театр с удовольствием посещался зрителями. Велик вклад Ясского театра в пропаганду передового французского искусства в XIX в.¹³

Изобразительное искусство, как и культура Дунайских княжеств в целом, все более приобретало светский характер. Развитие мирских черт в искусстве шло в сочетании с усвоением народных традиций и художественного влияния ряда стран, в том числе и Франции. В живописи, развивавшейся ранее на основе иконописи, происходит постепенный переход к портрету и картине.

Большую роль в развитии живописи в Молдавском княжестве сыграл Г. Асаки, который был знатоком французской живописи. Его работы в форме аллегорических картин и портретов, выполненных с незаурядным мастерством, отражали быт и нравы общества того времени. Валашский художник Б. Иаковеску, увлеченный патриотическими идеями, делал зарисовки со старых французских гравюр, посвященных румынской тематике, чтобы потом их воплотить в своих лучших картинах.

Поскольку специализированных художественных заведений в Дунайских княжествах не было, нередко молодые художники направлялись для получения образования во Францию, где учились у местных маститых мастеров. Многие румынские художники поддерживали дружеские отношения с видными прогрессивными деятелями Дунайских княжеств, такими как Ч. Болик, Н. Бэлческу и др. Характерные черты изобразительного искусства находили проявление и в архитектуре, развивавшейся вместе с ростом городов.

Румынские градостроители внимательно следили за достижениями архитекторов Франции. Большую роль в развитии румыно-французских связей в сфере культуры сыграли французы Ж. Вайян, Ф. Кольсон, М. Лоренсо, Р. Перрен. Их статьи и книги, посвященные истории и культуре Дунайских княжеств, знакомили французского читателя с жизнью Молдовы и Валахии.

Особо следует отметить капитальный труд по истории Дунайских княжеств Ж. Вайяна, который долгое время жил в Валахии и был преподавателем в Бухаресте. Основное внимание французского исследователя было сосредоточено на политической, административной и финансовой деятельности, а социально-экономическим аспектам было уделено меньше внимания.

Прогрессивные французские журналисты охотно представляли страницы своих газет представителям Валахии и Молдовы, помещали материалы, в которых резко критиковались правительство и правящие классы Дунайских княжеств. Передовые деятели французского общества приветствовали стремление молдаван и валахов к свободе и независимости. Молодые валахи и молдаване поддерживали контакты с прогрессивными французскими историками Э. Кине и Ж. Мишле в Париже. Французские власти беспокоило состояние умов румынских молодых людей, которые находились у них в стране.

Очень интересовалось этим и русское правительство. И те и другие опасались революционных взглядов учащейся молодежи. В данном случае настроения французских и русских официальных кругов совпадали.

По их мнению, румынские студенты объединились для изучения конституционных принципов и по возвращении на родину «будут стремиться к распространению принципов, которыми они руководствовались во время получения образования»¹⁴. Таким образом, румыно-французские культурные связи в рассматриваемый период успешно развивались.

В данной статье лишь кратко упоминается о некоторых интересных явлениях, свидетельствующих о многогранности этих связей. Но эти явления необходимо рассматривать в более широком контексте. Дальнейшее изучение материалов может помочь осуществлению этой задачи.

¹ См.: Iorga N. Istoria Romanilor. V. VIII. București, 1938. P. 367.

² См.: Eliade P. Histoire de L' esprit public en Roumanie au dix- neuvieme siecle, t I. L'occupation turque et les premiers princes indigenes (1821–1828). Paris, 1905. P. 243.

³ См.: Ibid. P. 225.

⁴ См.: Eliade P. La Roumanie au XIXe siecle, t. II. Les trois presidents plenipotentiaries (1828–1834). Paris, 1914. P. 263–264.

⁵ См.: Breazu I. Școala Romania din Franta. Sibiu, 1930. P. 3.

⁶ См.: Eliade P. Opt. cit., t. II. P. 266.

⁷ См.: Blaga L. Gindirea romaneasca în Transilvania în secolui ai XVIII-lea. București, 1966. P. 129.

⁸ См.: Budai-Deleanu I. Scrieri lingvistice. Cluj, 1970. P. 163.

⁹ См.: Булгару М. Д. Московский университет и развитие общественно-политической мысли в Молдавии в первой половине XIX века // Вестник МГУ. Философия. 1980. № 1. С. 47.

¹⁰ См.: Istoria gindirii sociale și filosofice în Romania. București, 1964.

¹¹ См.: Cornea P., Pacurariu D. Curs de istoria literaturii romine. București, 1963. P. 186.

¹² См.: Filitti I. Principatele romane de la 1828 la 1834. Ocupatia ruseasca și Reguelamentul organic. București, 1934. P. 36.

¹³ См.: Massoff I. Teatrul Rominesc, V. I. București, 1961.

¹⁴ См.: АВПРФ. Консульство в Бухаресте. 1846. Д. 766. Л. 22–23 об.

И.И. ЯНУШЕВИЧ

ПОЛИТИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ОТНОШЕНИЮ К ЦЕРКВИ И РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ 1922–1927 гг. (НА МАТЕРИАЛАХ БЕЛАРУСИ)

Лето 1922 г. знаменовало начало нового, более толерантного, но по сути имеющего прежнюю цель – полное уничтожение религии и церкви – этапа государственно-церковных взаимоотношений. Политическое руководство СССР, проведя в первой половине 1922 г. практически полное ограбление храмов, уничтожив подавляющее большинство священнослужителей и прихожан, оказавших открытое сопротивление изъятиям церковных ценностей, перешло к установлению тотальной регламентации церковной жизни и более жесткому контролю над духовенством и религиозными общинами. Единично управляющая государством партия стремилась максимально ограничить деятельность всех общественных союзов, объединений, не связанных с укреплением существующего режима. Не имелось никаких законодательных регламентаций их деятельности, что в условиях тяжелой внутрен-

